

ЭТНОБОТАНИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ.

VIII. АИР

В. Б. Колосова

Аир болотный *Acogus calamus* L. — многолетнее травянистое растение семейства ароидных Araceae. Аир достигает 120 см высоты, имеет длинное губчатое корневище с приятным запахом (но горьким вкусом) и отходящие от него пучком линейно-мечевидные листья. Трехгранный цветоносный стебель, прямостоячий и неветвистый, несет верхушечное соцветие, похожее на кукурузный початок. Цветки мелкие, зеленовато-желтые, плод — продолговатая многосемянная красная ягода. Цветет с конца мая до июня. Размножается вегетативно, корневищами. Родиной аира является юго-восточная Азия. Растет по берегам рек, озер, других водоемов [Валягина-Малютина 1996: 12–13]. Современные исследования доказали его ценность как инсектицидного, антибактериального и антигрибкового средства. Ароматные масла используются в медицине, для ароматизации алкогольных напитков, как эссенции для духов [Motley 1994: 398]. На Русь, по всей видимости, аир был завезен в XI–XIII вв. татарскими конниками, которые возили с собой в набеги его корневища, считая, что они способны обеззараживать воду, в которой растут. Быстро приживаясь, аир образовывал обширные заросли, и в XIII в. уже был широко известен на Украине, в Литве и Польше [Жаримбетов 1975: 108]¹. Видимо, именно этот путь проникновения растения в Славию отразился в большом разнообразии однотипных фитонимов, распространенных в восточнославянских диалектах.

Этноботанические заметки посвящены фитопортрету — аиру болотному *Acogus calamus* L. В центре внимания автора морфологические признаки растения, его функциональная приложимость, а также этиологические и этимологические аспекты диалектных названий растения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:
фитопортрет, аир болотный, народная медицина, народный календарь.

■ КОЛОСОВА ВАЛЕРИЯ БОРИСОВНА
кандидат филологических наук, научный сотрудник Института лингвистических исследований Российской академии наук (Санкт-Петербург)
E-mail: chakra@eu.spb.ru

¹ В Западную Европу аир попал в XVI в. из Турции. Так, австрийский посол в Константинополе Ангерийус фон Бусбек в 1565 и 1574 г. отправлял свежие корневища аира в Прагу и Вену для разведения в ботанических садах [Жаримбетов 1975: 108]. Австрийский ботаник Карл Клузиус также разводил аир в Вене. К 1588 г. относятся первые упоминания об аире в Германии; уже в 1596 г. его разводили в Англии; далее он был завезен во Францию, Бельгию и другие страны путем обмена между ботаниками, ботаническими обществами и ботаническими садами [Motley 1994: 401].

По одной из версий, в южных и западных русских говорах, а также в белорусских и украинских прижилось османско-турецкое *ágir* — заимствование из греч. *ákorov*² [Меркулова 1967: 55]. Однако А. Жаримбетов на основании данных «Древнетюркского словаря», «Опыта словаря тюркских наречий» В. Радлова и татарско-русского словаря выдвигает версию о том, что слово *аир* было заимствовано не из турецкого, а из татарского и других тюркских языков «еще в эпоху татаро-монгольских завоеваний вместе с самой реалией» [Меркулова 1975: 110–111]; на наш взгляд, география заимствований этого типа подтверждает вторую версию. Очевидно, освоение этого заимствования было процессом длительным, поскольку варианты его исключительно многочисленны и разнообразны. Так, в русских говорах отмечены *аир* (Вел. Росс), *евер* (Нерехт. Костром.), *гаир* (Черн.), *жаер* (Орл.), *явер* (Смол., Курск.), *агир*, *ир* (Моск., Том., Сиб., Тобол.), *ирный корень*, *лир* (Смол.) [Анненков 1878: 8; Меркулова 1967: 55; Словарь русских народных говоров... 8: 312; 12: 207; 17: 60]. Место, поросшее этим растением, в Орловской губ. называлось *майер* [Анненков 1878: 8]. В белорусских говорах такие варианты зафиксированы практически во всех регионах: *аер*, *аір*, *азр*, *гаер*, *яер*, *яернік*, *ера*, *ернік*, *вернік*, *яір*, *яірнік*, *ярнік*, *ір*, *ірнік*, *ірны корань*, *авер*, *хавер*, *агер*, *ягер*, *алер*, *авір*, *хавір*, *харій*, *агір*, *явір*, *ягір*, *ярій*, *ярэй*, *ерый*, *явер*, *явар*, *яварына*, *ягар*, *авяр*, *ярай*, *ярэй*, *арэй*, *арэйнік*, *ярэннік*, *арынік*, *гарый*, *харый*, *ярый*, *ягель* [Раслінны свет... 2001: 173–174]. Лишь немного меньшее разнообразие демонстрируют украинские фитонимы: *агир*, *агір*, *аер*, *аір*, *аірний корінь*, *аляр*, *арник*, *гав'яр*, *гаір*, *гайвір*, *галяр*, *ір*, *ірник*, *ірниця*, *ірячник*, *йор*, *лір*, *явгір*, *явер*, *яверовий корінь*, *яв'єр*, *явір*, *явор*, *ягір*, *яр*, *ярус* [Кобів 2004: 38]. Наконец, отмечен единичный польский фитоним *ajer* [Анненков 1878: 8].

В Тобольском уезде Тобольской губернии отмечено название аира *иродов корень*, появившееся, очевидно, вследствие слияния форм *ирный корень* и *ирод* 'изверг, мучитель' из-за горького вкуса корневища [Скалозубов 1913: 10].

Помимо рассмотренной группы фитонимов, в славянских диалектах существует масса других заимствований из неславянских языков. Так, русин. воєв. *идірот* [Шовлянски 2010: 94], србх. *idiroť*, по версии П. Скока, также являются продолжением греч.

ákorov через ср.-лат. *agarus*, *agurus*; окончание *-ot* происходит от тур. *otu* 'растение' [Skok 1: 709]. Греческий фитоним также послужил источником для чеш. *akorum* [Rystonová 2007: 443]. В болгарском языке существуют научные термины *ароматна тръстика*, *блатен аир*, *миризлив аир*, *миризлив акорус*, *тръстиков акорус* [Речник... 1987: 10] (очевидно, являющиеся кальками), однако для болгарских диалектов это растение, видимо, неактуально.

Рефлексы лат. *calamus* представлены вариантами бел. *калмус* (Смол.) [Раслінны свет 2001: 175], укр. *кальмус* [Кобів 2004: 38], србх. *kalmus*, *kolmeš*, *komuš*, хорв. *kulmiš* [Šulek 1879: 492], словен. *kolmeš*, *kolmež* [Kalezić 2008: 76], чеш. *kalmus* [Rystonová 2007: 443], кашуб. *kalmus* [Sychta 2: 121], пол. *kalmus* [Анненков 1878: 8]. В южнославянских языках это заимствование из вулг. лат. *calmus* через нем. *Kalmus* (более старое *Kalmes*) [Bezlej 2: 58]. В.-луж. *koltnus*, н.-луж. *kalmus*, *kolmuš* также являются заимствованиями с нем. *Kalmus* [Адаменко 1999: 67].

Сербохорватские фитонимы *četin* и *ktin* являются двумя различными рефлексамми одного и того же латинского фитонима *cuminum*³ < греч. *κύνινον* [Skok 1: 266, Vajs 2003: 319] с возможным семитским происхождением, ср. ивр. *kammon* [כמון], егип. *kamini*, аккад. *katūnu* [André 1956: 108–109; Marzell 1: 857]. В сербохорватский язык фитоним проник посредством итальянского и немецкого [Kalezić 2008: 76]. При этом не исключено, что на номинацию дополнительно повлиял сербохорватский глагол *očetinjati* 'очищать от шелухи, лущить', поскольку плод аира напоминает лущеный кукурузный початок [Kalezić 2008: 78].

Фитонимы бел. *шувар* (Смол.), пол. *szuwar* [Анненков 1878: 8], укр. *сівар*, *шавар*, *швар*, *шивар* (зелений), *шівар*, *шовар(ник)* *шувар(ник)*, *шувор*, *щувар* [Кобів 2004: 38], по наиболее принятой версии, являются заимствованиями из нем. *Sagar* 'осока' [Machek 1954: 275; Етимологічний словник... 6: 485].

Происхождение аира отражено в фитонимах *татарское зелье*, *татарске зиллэ* (Екат. Малор.) [Анненков 1878: 8], бел. *татарнік* (Ельск., Лельч. Гомел., Столин. Брест.) [Раслінны свет... 2001: 175], укр. *тартараки*, *татара(к)*, *татар-зілля*, *татаринник*, *татариння*, *татарка*, *татарник*, *татарове/татарче зілля*, *татарське (вонюче) зілля*, *татарський корінь*, *тетерник* [Кобів 2004: 38], србх. *tatarsko zetje* [Šulek 1879: 492], пол. *tatarskie ziele*, *tatarski*

² Классические латинские авторы пользовались родовым именем *asorum*, однако обозначали им не аир, а ирис желтый, иглицу шиповатую и очный цвет полевой. Для аира использовался фитоним лат. *calamus* — рефлекс греч. *káλαμος* [André 1956: 16–17, 65]. Наиболее раннее упоминание аира (под названием *calamus*) встречается в Ветхом Завете, в описании изготовления священного масла (Исход 30: 23, 24, 34); однако существуют разногласия по вопросу о том, идет ли речь об аире или же о других ароматных растениях, например, лимонном сорго [Motley 1994: 400].

³ Лат. *cuminum* использовалось классическими авторами для обозначения растения семейства сложноцветных — кумина *Cuminum cuminum*, которое часто путают с тмином *Carum carvi* L. [Kalezić 2008: 76].

korzeń, tatarak [Анненков 1878: 8], пол. *tatarak, tatar(a), tatera*, кашуб. *tatarčik* [Budziszewska 1965: 250], чеш. *tatarák, tatarčok* [Kosík 1941: 117], *tatarčik, tatarská tráva, tatarské bylí, tatarské zelí, tatrák, kořen tatarákový* [Rystonová 2007: 443]. Представление о том, что растение было занесено к славянам татарами, сохранилось до наших дней: «Татари робили набіги на село Сінне, жили там, і де вони не були, завжди возили за собою коріння або насіння лопішника. Висаджували його в вологих місцях. Він був як дезинфікуючий засіб. Вони напували коней і не боялися, що там є мікроби чи ще щось» [Муравський шлях... 1998: 223–224]. Укр. *цар-зілля, царське зілля* [Кобів 2004: 38], возможно, являются искажениями фитонима *татарське (вонюче) зілля*.

Другие этнонимы отражены в названиях аира фрагментарно: укр. *лепеха жидівська* [Кобів 2004: 38] (букв. «еврейский аир»); серб. *temišvarska trava*, русин. воев. *темишварска трава* [Шовлянски 2010: 94]; чеш. *čínská rebarbora* [Rystonová 2007: 443] (букв. «китайский ревеня»).

Место обитания аира — берега водоемов, болотистые почвы — отразилось в таких составных наименованиях, как србх. *vodena sabljica* (букв. «водяной гладиолус»), *vodeni božur* (букв. «водяной пион»), *vodeni četin, vodeni (k)min* (букв. «водяной кумин»), *vodeni mačić* (букв. «водяной ирис»), *vodeni žuti lilium* (букв. «водяная желтая лилия») [Šulek 1879: 492].

Локус, в котором обитает растение, отражается в его названиях не только прямо, но и метафорически, например, в бел. *плавюн* (Житк. Гомел.) [Раслінны свет... 2001: 175]. Еще один способ передать информацию о месте произрастания аира — перенос названий с других растений, обитающих в тех же условиях. Так, по данным В.А. Меркуловой, аир может называться *сита, треста* и *камыш* — в силу сходства с камышом, ситником и рогозом, которые по говорам имеют и другие общие названия [Меркулова 1967: 44]. В русских говорах отмечены также *камыш, осока* (б. м.) [Анненков 1878: 8], *куга* (Крив. Том.) [Словарь русских народных говоров... 15: 394] как названия аира. Аналогичная модель реализуется и в инославянских языках: бел. *рагожнік* (Червен. Минск.), *асака* (Житк. Гомел.) [Раслінны свет... 2001: 175], укр. *кувшинки, рогіз, осока, осока пахуча, осока широка, різак, тросник, троца* [Кобів 2004: 38], србх. *mirišava trska, mirisna trstika*⁴ [Šulek 1879: 492]. Укр. *канки* [Кобів 2004: 38] родственно укр. *канка* ‘камыш’, рус., укр. *камка* ‘взморник’, восходящим к греч. *kávva* ‘тростник гигантский *Arundo donax*’ [Етимологічний словник... 2: 364].

Сербскохорватский фитоним *široki loček* [Šulek 1879: 492] находит параллель в србх. *loč* ‘рогоз широколиственный *Typha latifolia*’, словен. *loč, ločje* ‘то же’ [Kalezić 2008: 80]. Србх. *palud*, употребляющееся сегодня в Истрии для обозначения как аира, так и тростника, ситника и осоки, восходит к итал. *palude* < лат. *palus* ‘болото’ (ср. словен. *palúd, paluda* ‘ситник, камыш, тростник’); возможно, этому фитониму родственны србх. *babad, baban, balad* [Skok 2: 594; Bezljaj 3: 6; Kalezić 2008: 80–81]. Чешские фитонимы *vonná, svatá třtina* [Rystonová 2007: 443] находят параллель в чеш. *třtina* ‘тростник’. Србх. *mirisavi šaš, smrdúci šaš* [Šulek 1879: 492] перешли на аир с србх. *šaša* ‘рогоз широколиственный *Typha latifolia*’, *šašika* ‘камыш *Scirpus radicans*’ [Kalezić 2008: 80], ср. тж. словац. *šáš* ‘рогоз широколиственный’, *šašie* ‘камыш озерный’ [Buffa 1972: 369]; укр. *сасина, саи, сашина, шаш*⁵ [Кобів 2004: 38] относятся к этой же группе [Етимологічний словник... 6: 391–392]⁶.

Наконец, признак обитания растения в водном или болотистом локусе может быть выражен с помощью зоономинации, т. е. через использование названия животного, обитающего в том же локусе, как, например, в укр. *півники жаб'ячі* (букв. «лягушачий/жабий ирис») [Кобів 2004: 38].

В народной ботанической номенклатуре нередки случаи, когда один и тот же фитоним может стать результатом номинации на основе не одного, а двух и более признаков. Так, вышеперечисленные водные растения не только обитают в том же локусе, что и аир, но и похожи на него (и друг на друга) внешним видом.

Форма вытянутых и плоских листьев аира повлияла на возникновение фитонимов, образованных от лексем со значениями ‘коса’, ‘сабля’, ‘меч’: *косатик, косатник* [Даль 2: 173], *коса* (Пск.), *касатик, косатка* [б. м.] [Словарь русских народных говоров... 15: 44, 46], *сабельник, татарский сабельник* [Анненков 1878: 8], *сабельнюк* (Пск.) [Словарь русских народных говоров... 36: 12], бел. *касатар* (Гомел.), *касацікі* (Хотим. Могил.) [Раслінны свет... 2001: 175], укр. *косатень, косатник, коситеня татарове, коситень, шабальник* [Кобів 2004: 38], србх. *sabljar, vodena sabljica, vodeni mačić, vodeni mačić, maćinas* [Šulek 1879: 492], словен. *meček, mečičje, mečičuje, mečičovje* [Barlè 1936: 200], словен. *sablja* [Karlin 1964: 5]. Тот же признак отражен в бел. *шырокая трава* (Мозыр. Гомел.) [Раслінны свет... 2001: 175], укр. *широка трава* [Кобів 2004: 38], србх. *široki loček* [Šulek 1879: 492].

По данным этимологии, форма листьев отражена и в группе фитонимов *лепеха* [Анненков

⁴ Србх. *трска* ‘камыш, тростник’.

⁵ А также, возможно, укр. *шалана* < *шалина* < *шашина* [Кобів 2004: 38; Етимологічний словник... 6: 369, 370].

⁶ Об общих названиях аира и других водных растений на материале других языков см. тж. [Marzell 1: 857; Motley 1994: 398].

1878: 387], *лепешник* [Даль 2: 248], *лепех*, *лепешка* [б. м.], *лепиха* (Курск.), *лопуха* [Словарь русских народных говоров... 16: 365, 17: 146], бел. *лепеха* (Полес.), *ляпеха* (Столин. Брест.), *лепех* (Иван., Пинск. Брест.), *ляпешник* (Житк. Гомел.) [Раслінны свет... 2001: 174], *лапэха*, *лепэх*, *лыцьшныяк*, *лэпіх*, *лэпэх(а)* (Брест.-Пинск. Полес.) [Кісель 2008: 90], укр. *лепех*, *лепеха вонюча*, *лепеха жидівська*, *лепеха-різак*, *лепеша*, *лепешник*, *лепешня(к)*, *лепиха*, *лепіх*, *лепішник*, *лепішняк*, *липих*, *липнича*, *липуха*, *ліпаха*, *лопух* [Кобів 2004: 38]. Названия образованы по длинным плоским листьям; слово **лереха* обладает первичной семантикой 'обрывок, кусок', из которого позже развились значения 'лепешка' и 'лист' [Этимологический словарь... 14: 119]. Вышеперечисленные фитонимы родственны слову *лопух*, восходящему к корню **lor* — 'лист', 'быть плоским' [Этимологический словарь... 16: 71].

Возможно, к этой же группе можно отнести бел. *плашнык*, *плешнік*, *плешняк*, *плішнык*, *плошнык*, *плыснюк*, *плышнык*, *плы'шнык*, *плышняк*, *плэшняк*, *плюшняк*, *пляшнык* (Брест.-Пинск. Полес.), *плюснік* (Ветк. Гомел.), *плюшня* (Луни. Брест., Житк. Гомел., Гродн.), *плюшчай* (Гродн.), *плюха* (Житк. Гомел.) [Кісель 2008: 90–91]. По мнению авторов этимологического словаря белорусского языка, эти фитонимы являются адаптированными балтизмами [Етымалагічны слоўнік... 9: 232–233], однако существует и другая точка зрения — что укр. *плишник*, *плющай* [Кобів 2004: 38] связаны с *плющити* 'делать плоским, раздавливать', как и пол. *pluszczać*; название обусловлено тем, что цветонос аира сильно сплюснен [Етымалагічний словник... 4: 461].

Тему формы растения продолжает бел. *рабрэй* (Житк. Гомел., Пинск., Столин. Брест.) — по трехгранной форме стебля, который «на одном боку имеет желобок, а на другом — ребристое» [Раслінны свет... 2001: 173–174; Кісель 2008: 90–91], а также *пасошыя* (рус. говоры Прибалтики) — производное от *соха* 'рогатина, развилка', отражающее форму цветоноса с плодом [Меркулова 1967: 50].

Своеобразная форма початков аира отразилась в фитонимах *ежеголовка*, словен. *jězak*, пол. *jeżogłówka*, словац. *ježohlav* [Етымалагічны слоўнік... 9: 125]. При этом луж. *ježelnja*, *ježowc*, *leželnja* являются неполной семантической калькой с нем. *Igelkolben* (букв. «ежевые початки») [Адаменко 1999: 68]; вероятно, существует вероятность немецкого влияния (возможно, опосредованного другими языками) и для указанных выше фитонимов. Укр. *кияхи*, *гогорудза* [Кобів 2004: 38] образованы по сходству початков кукурузы и плодов аира; ср. укр. кий 'палка' [Етымалагічний словник... 2: 442]. Србх. *palad* может находиться в формальной и семантической связи с *palica* 'плод, оставшийся на стебле после сбора урожая', *polik(a)* 'повторная жатва' [Kalezić

2008: 81]. Фактура стеблей отражена в бел. *шаўковая трава* (Лельч., Петрик. Гомел.) [Раслінны свет... 2001: 175].

По поводу фитонимов *пищалка*, *пыщалка* [Анненков 1878: 8], бел. *пішчык* (Свисл. Гродн.), *пішчыкі* (Пруж. Брест.), *пішчы* (Гонц. Брест.) [Раслінны свет... 2001: 175], укр. *пищалка* [Кобів 2004: 38] этимологами высказываются две версии: 1) они относятся к основе *пішч* 'роговой стержень пера', поскольку «растение вылезает из земли в виде заостренной трубки»; 2) возможна связь с глаголом *пищать*, поскольку из нижних концов листьев аира дети делали пищалки [Етымалагічны слоўнік... 9: 154–156]. То же относится и к бел. *нікаўкі* (Ивац. Брест.) — фитоним может являться аргументом в пользу второй версии, хотя не исключена связь с бел. *ніка*, по форме листьев и початков [Етымалагічны слоўнік... 9: 125]. Вероятно, к этой же группе относится чеш. *piskačka*, *píškačka* [Rystonová 2007: 443].

Не исключено, что отражением одновременно двух признаков — формы и звука — являются фитонимы *лещуга* (Ряз. Ряз.) [Словарь русских народных говоров... 17: 38], *лещук*, *лещуг* (Пенз., Дон., Саратов.), которые, родственны слову *лещ* и могут восходить как к *лещедь* «вследствие вилообразно вырезанного хвостового плавника», так и к глаголу *лещать*, *лещить* 'хлопать крыльями, биться, плескаться' — по сильному шуму, плеску во время нереста [Меркулова 1967: 51; Этимологический словарь... 14: 143–144].

Душистый запах аира отразился в его диалектных названиях *вонючка* (Сиб.) [Анненков 1878: 8], укр. *лепеха вонюча*, *татарське вонюче зілля* [Кобів 2004: 38], русин. воев. *пахняца трава*, серб. *mirisava trava* [Шовлянски 2010: 94], србх. *mirisni kor(i) en*, *mirisavi šaš*, *smrdući šaš*, *mirišava trska*, *mirisna trstika* [Šulek 1879: 492], чеш. *třtina vonná* [Rystonová 2007: 443].

Заселая водоемы, аир постепенно стал предметом целенаправленного сбора и торговли. В «Актах о сборе лекарственных трав» значится: «Корень имя ему ир, растет в воде, не во всяком озере, рост его лежит по земле, трава на нем высока, цвет кругол, что палец». В «Торговой книге» конца XVI в. аир упоминается как ингредиент для приготовления напитка: «Игирь, что в пиво кладут, фунт купят в 2 деньги...» [Жаримбетов 1975: 108, 109]. Использование аира в кулинарных целях отразилось в укр. *ревинь* [Кобів 2004: 38], чеш. *čínská rebarbora* [Rystonová 2007: 443], хорв. *slatka korica* [Vajs 2003: 318]. Тем не менее, большой пищевой ценности он не представлял вследствие горького вкуса корневищ, ср. чеш. *kořen nejedlíkový*, *nejedlík* [Rystonová 2007: 443].

В русской народной медицине аир считался бактерицидным средством — его корневища жевали

во время эпидемий холеры, тифа, гриппа, надеясь предохраниться от заражения⁷. «Лечебник» 1672 г. предписывает: «Игирь в сахаре внутрь приять на тще сердце, желудок согревает и хотение надает в естве» [Жаримбетов 1975: 108, 109]. В Курской губернии в ванне с аиром купали «детей, одержимых сухоткою», а застарелые язвы присыпали изготолненным из него порошком [Вержицкий 1898: 410]. В Тобольске *корень ир* пили от удушья, в Курганском и Тюкалинском уездах Тобольской губернии — от грыжи, в Тобольском уезде — «от натуги в виде настоя в теплой воде» [Скалозубов 1913: 10].

В Малороссии после родов мать мыли в ванне из настоев «лепехи», ромашки, мяты [Коваленко, Манжура 1891: 175]. В Полтавской губ. из корней аира (местные названия *ир, лепиха*) делали ванны для детей, больных сухоткой; корень также употребляли «в расслабленном пищеварении, перемежающейся лихорадке, цинге и золотухе». Порошком корня присыпали застарелые язвы [Арандаренко 1848: 37; Августинович 1853: 10].

Широко применяли аир в Полесье. «Скільки паху, стільки помочи», — говорят об аире полешуки (Полесск. Киев.) [Болтарович 1990: 90]. Его использовали при заболеваниях желудочно-кишечного тракта, головной и зубной боли; настоями и отварами промывают раны и гнойные язвы. Растение ценилось и как желчегонное средство. С корневищем делали ингаляции. Вдобавок он считается замечательным дезинфицирующим средством. Корень аира — один из важнейших компонентов смесей для ванн при лечении золотушных и рахитичных детей [Носаль, Носаль 1960: 22–24]. От зубной боли использовали отвар из полыни, белены и корня аира — им поливали раскаленный камень и вдыхали пар, накрывшись дерюгой или овчиной [Игнатенко 2010: 208–209]. В отваре аира купали детей «от испуга» [Игнатенко 2010: 209]. В хорватской народной медицине как лекарство используется масло, добываемое из корневищ [Vajs 2003: 318]. У кашубов высушенные и растертые корневища аира давали при болях в желудке, а листьями обкладывали ожоги [Sychta 1: 24; Sychta 4: 219].

Как это закономерно случается с лекарственными растениями, в народных названиях аира нередко отражаются особенности его применения в народной медицине. Так, белорусские фитони-

мы *бабнык, бабке, банкі* (Брест. — Пинск. Полес.) связаны со словом **baba* ‘женщина, знахарка’, поскольку растение имеет целебные свойства [Кисель 2008: 90]. На возможную связь сrbx. *babad, baban, balad, babji štapi* ‘аир’ [Šulek 1879: 492] с srbx. *baba* ‘старуха, бабушка’ указывается также в [Етимолошки речник ... 2: 27].

Луж. *bróstwanc, bróstwon, bróstwonc, bróstwonk* [Адаменко 1999: 67–68], чеш. *brustvorec, bruškvorec, kořen pišvorcový, piššvor, piškvorec, proškorec, prstvorec, pr(u)stvorcový kořen, prustvorec, pruškvorec, pruštvorec, šišvorec* [Rystonová 2007: 443], словац. *prustworec, puškvorec, šišvorec, prstvorec, pušvorec, puškvorec* являются заимствованиями из нем. *Brustwurz* (букв. «грудной корень»), поскольку растение использовалось от болезней легких), а словац. *prsokoreň, koreň prsný* [Halaša 1936–1937: 84], чеш. *kořen(i) prsní, prskořen, prskořín* [Machek 1954: 300–301], луж. *wutrobny korjeń*⁸ — семантической калькой этого фитонима [Адаменко 1999: 68]; ср. тж. чеш. *kořen plicní* [Rystonová 2007: 443], словац. *koreň pľúcny* [Halaša 1936–1937: 84] (букв. «легочный корень»). Весь этот ряд фитонимов обусловлен тем, что растение считалось действенным средством против легочных заболеваний: дым или пар отвара аира успокаивал кашель [Адаменко 1999: 68].

В укр. *падиволос* [Кобів 2004: 38] отразилась практика использования аира как средства для укрепления волос — при выпадении волос трижды в неделю моют голову отваром равных частей аира и лопуха, иногда с добавлением шишек хмеля [Носаль, Носаль 1960: 23].

Как инсектицидное средство аир использовался, например, в Псковской губернии: «Считают, что трава эта — прекрасное средство против блох» [Словарь русских народных говоров ... 17: 269]; в Белоруссии посыпали пол аиром, «коб блохей не було» [Кисель 2008: 90]⁹.

Аир практически не используется ни в календарных обрядах, ни в обрядах жизненного цикла. Единственное исключение представляет собой троико-семицкий цикл, причем география использования растения ограничена Беларусью, Украиной и некоторыми польскими территориями. Белорусы на Троицу расстилали аир по полу хаты и по двору, украшали колодец *тройцай* — зеленью клена, березы и аира; в некоторых районах Полесья его зелень

⁷ В научной медицине аир используется в составе различных настоев, отваров и порошков для возбуждения аппетита, в качестве желудочного и дезинфицирующего средства. Входит в состав противоязвенного препарата «Викалин». Корневища содержат эфирное масло, применяемое в парфюмерной промышленности, крахмал, дубильные вещества, а также обладают фитонцидными свойствами [Жаримбетов 1975: 108]. Растение также используется в производстве ликеров и духов [Vajs 2003: 318].

⁸ Луж. *wutrobno* ‘грудная клетка, грудь’.

⁹ В средневековой Европе душистыми листьями аира устилали полы замков и церквей, чтобы скрыть дурные запахи и отпугнуть насекомых, заводившихся вследствие плохих санитарных условий [Motley 1994: 401].

несли на могилы родственников. Аиром украшали ритуальных персонажей в троицких обходах, в обрядах «проводы русалки» и «куст» [Шара 2005: 42]. В этноботанической традиции жителей Полесья известны несколько видов трав, которые освящали в церкви, а потом украшали ими дом, двор. Это мята, барвинок, ромашка, рута, зверобой, любисток, аир болотный (*татарка*) [Игнатенко 2010: 210–211]. В восточной Польше «на Зеленые святки» аиром украшали и коров, что выполняло функцию оберега; в седлецком и хелмском воеводствах им увешивали изгороди и дворики [Szcześniak 2008: 122]. У кашубов аиром украшали двери на Зеленые святки, а также разбрасывали его по подворью [Sychta 2: 121]. В окрестностях Живеца (Силезское воев.) его освящают в день Успения Пресвятой Богородицы (*Matki Boskiej Zielnej*) вместе с другими травами, напр., шалфеем, полынью, любистком [Шадура 2010: 346].

Как и прочую троицкую зелень, аир могли сохранять и затем использовать в ритуально-магических действиях. Так, в украинском Полесье те растения, которыми устилали пол на Троицу, стремились брать для приготовления отвара от головной боли. Мыть голову аиром советуют в среду или пятницу, при этом использованную воду нужно вылить через межу, а идя назад к дому, не оглядываться [Болтарович 1990: 91]. В Смоленской губ. «в субботу перед Духовым днем... полы усыпа[ли] травую аером (по местному выражению явером)»; «Отправляясь в церковь в Духов день, берут с собой целительные травы, освящают их и употребляют в болезнях» [Добровольский 1914: 5].

Будучи душистым растением, аир использовался и в качестве оберега. Так, в Гадячском уезде Полтавской губернии «на зелени святки, накануне Троицы», разбрасывали по избе полынь и другие травы (аир, любисток, зорю) для защиты от русалок (*лоскотавок*) [Зеленин 1916: 1103].

Как и в случае с любым другим растением, целый ряд диалектных названий аира, даже при условии этимологической прозрачности (как, например, бел. *кароўкі* (Белен., Осипов. Могил.), *лялька* (Быхов. Могил.), *кукла* (Петрик., Мозыр. Гомел.), бел. *зяўзюлька* (Житк. Гомел.) [Раслінны свет... 2001: 175], укр. *катерина*, *рамник* [Кобів 2004: 38]) остается неясным с точки зрения мотивации. О них можно строить гипотезы разной степени достоверности. Так, србх. *manturin cvit* 'аир' П. Скок помещает в словарную статью *martir* 'мученик', не объясняя, однако, семантической связи между этими двумя денотатами [Skok 2: 380]; М. Калезич предлагает гипотезу о влиянии нем. *Mattumich*, восходящего к лат. *siminim*, но признает, что эта версия, приемлемая с точки зрения морфонологии, остается довольно сомнительной в аспекте ономазиологии

[Kalezić 2008: 79]. Укр. *смичка* [Кобів 2004: 38] представляется возможным сблизить с укр. *смикавець* 'камыш, осока, гребенник' < *смикати* 'тянуть, вырывать', поскольку эти растения легко вырываются из корня [Етимологічний словник... 5: 321].

* * *

Итак, в диалектных названиях аира отражены как его объективные свойства, так и пути проникновения растения в культуру славяноязычных народов. Славянские фитонимы содержат указания в первую очередь на форму растения и отдельных его органов, на место произрастания, его запах, а также использование в народной медицине. В отличие от других растений, значимых для славянской народной ботаники, по отношению к аиру ощущается восприятие растения как чужого, что выразилось в необычно большой доле заимствований и ксенономинаций, а также общих с другими водными растениями названий. Несмотря на довольно давнее появление на территориях, заселенных славянами, об аире не сложилось никаких фольклорных текстов. Возможно, поздним освоением объясняется и ограниченное использование аира в этнографических контекстах — единственной сферой его употребления, по-видимому, является троицкая обрядность, в частности, использование в качестве оберега.

ЛИТЕРАТУРА

- Августинович Ф. М. О дикорастущих лечебных растениях Полтавской губернии // Труды комиссии высочайше учрежденной, при императорском ун-те св. Владимира для описания губерний Киевского учебного округа. Т. 2. Киев, 1853.
- Адаменко С. А. Серболужицкая ботаническая номенклатура: ее формирование и специфика (на материале названий лечебных растений): дис. ... канд. филол. наук. Львів, 1999.
- Анненков Н. И. Ботанический словарь. М., 1878.
- Арандаренко Н. И. Записки о Полтавской губернии Николая Арандаренка, составленные в 1846 году: в 3 ч. Полтава, 1848.
- Болтарович З. Е. Народна медицина українців. Київ, 1990.
- Валягина-Малютина Е. Т. Лекарственные растения. М., 1996.
- Вержбицкий Т. И. Некоторые лекарственные растения, употребляемые простым народом Курской губернии // Живая старина. 1898. Вып. 3–4. С. 409–420.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2003.
- Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
- Етимолошки речник српског језика. Т. 1–. Београд, 2003–. Етымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–. Мінск, 1978–.

- Етимологічний словник української мови. Т. 1–. Київ, 1982–.
- Жаримбетов А. Аир // Русская речь. 1975. № 3. Май-июнь.
- Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского Географического Общества. Вып. 3. Пг., 1916.
- Игнатенко И. В. Лекарственные растения в народной медицине украинцев Полесья (по полевым этнографическим материалам) // Этноботаника: растения в языке и культуре. СПб., 2010.
- Кісель Т. А. Аер у гаворках Брэсцка-Пінскага Палесся // Спадчына І. І. Насовіча і беларускае мовознаўства / адк. рэд. М. Р. Прыгодзіч. Мінск, 2008.
- Кобів Ю. Словник українських наукових і народних назв судинних рослин. Київ, 2004.
- Коваленко Г., Манжура И. К народной медицине малоруссов // Этнографическое обозрение. 1891. № 4.
- Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений (Травы, грибы, ягоды). М., 1967.
- Меркулова В. А. Украинские этимологии. I // Этимология 1973. М., 1975.
- Муравський шлях — 97. Матеріали комплексної фольклорно-етнографічної експедиції. Харків, 1998.
- Носаль М. А., Носаль І. М. Лікарські рослини і способи їх застосування в народі. Київ, 1960.
- Рослинны свет: Тэматычны слоўнік. Мінск, 2001.
- Речник на названията на лечебните растения. Латинско-българско-руско-английско-немско-френски / под ред. Л. Димитрова. София, 1987.
- Скалозубов Н. А. Ботанический словарь. Народные названия растений Тобольской губернии, дикорастущих и некоторых культурных // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1911. Год 19. Вып. XXI. Тобольск, 1913.
- Словарь русских народных говоров. М.–Л., 1965–.
- Шадура И. Р. Хрен в польском языке и народной культуре // Этноботаника: растения в языке и культуре. СПб., 2010.
- Шарая В. М. Аер // Беларускі фальклор: энцыклапедыя: У 2 т. Т. 1. Мінск, 2005.
- Шовлянски Р. Словник заштити рошлінох и животног стредку сербско-руско-латинско-английски. Нови Сад, 2010.
- Этимологический словарь славянских языков / под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974–.
- André J. Lexique des termes de botanique en latin. Paris, 1956.
- Barlè J. Prinosi slovenskim nazivima bilja // Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena. 1936. Knj. XXX. Sv. 2. S. 181–228; 1937. Knj. XXXI. Sv. 1. S. 169–292.
- Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. 1–5. Ljubljana, 1977–2007.
- Buffa F. Vznik a vývin slovenskej botanickej nomenklatury. K histórii slovenského odborného slovníka. Bratislava, 1972.
- Halaša P. Príspevok k terminológii rastlín // Slovenská reč. 1936–1937. Ročník 5.
- Kalezić M. Calamus (reflexes of Latin names as designations for the plant species *Acorus calamus* L. in Serbo-Croatian language) // The Romance Balkans. Collection of papers presented at the international conference The Romance Balkans, 4–6 November 2006. Belgrade, 2008.
- Karlin M. Slovenska imena naših zdravnih rastlin. Ljubljana: Farmacevtsko društvo Slovenije, 1964.
- Kosík V. Slovník lidových názvů rostlin. Praha: Školní nakladatelství pro Čechy a Moravu, 1941.
- Machek V. Česka a slovenska jmena rostlin. Praha, 1954.
- Marzell H. Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen. Bd. I–IV, V (Registerband). Leipzig-Stuttgart, 1943–1979.
- Motley T. J. The Ethnobotany of Sweet Flag, *Acorus calamus* (Araceae) // Economic Botany. 1994. № 48 (4).
- Rystonová I. Průvodce lidovými názvy rostlin i jiných léčivých přírodnin a jejich produktů. Praha, 2007.
- Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. T. I–III. Zagreb, 1971–1973.
- Sychta B. Słownik gwar kaszubskich. T. 1–7. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1967–1976.
- Szcześniak K. Świat roślin światem ludzi na pograniczu wschodniej i zachodniej Słowiańszczyzny. Gdańsk, 2008.
- Šulek B. Jugoslavenski imenik bilja. Zagreb, 1879.
- Vajs N. Hrvatska povijesna fitonimija. Zagreb, 2003.

Институт лингвистических исследований РАН.

Поступила в редакцию 14.04.2015 г.

UDC 811 ETHNOBOTANIC NOTES. VIII. CALAMUS

V. B. Kolosova

Ethnobotanic notes are devoted to fitoportrait — *Acorus calamus* L. The center of an author's attention is morphological qualities of plant, its functional use, and etiological and etymologic aspects of dialect names of the plant.

KEY WORDS: fitoportrait, *Acorus calamus*, public medicine, public calendar.

■ KOLOSOVA VALERIYA B.

Candidate of Philology, Institute of linguistic researches of Russian Academy of Sciences (St.-Petersburg)

E-mail: chakra@eu.spb.ru